

вичу въ варьянтахъ былинь про встрѣчу его съ Микулой Селяниновичемъ и совмѣстной съ этимъ послѣднимъ поѣздкѣ за получкой дани въ разные города»¹⁾. Пользуясь современнымъ былиннымъ преданіемъ, нельзя не имѣть въ виду возможности взаимнаго обмѣна эпизодическихъ подробностей, происходившаго и еще—происходящаго между былинами о разныхъ богатыряхъ и, въ чертѣ одной былины, перенесенія какой-нибудь черты съ одного богатыря на другого. Такое перенесеніе допустилъ и авторъ для былины о встрѣчѣ Вольги-всадника съ Микулой-пахаремъ. Къ послѣднему образу мы привыкли, онъ казался прочно установленнымъ; въ одной былинь, записанной Рыбниковымъ и Гильфердингомъ, въ роли пахаря является Вольга, рядомъ съ нимъ Микула, но роли перемѣнились: пашеть Вольга, дубья — колоды въ борозды валить, забрасываетъ сошку подъ облако, тогда какъ Микула не въ состояніи выдернуть ее изъ земли. Проф. Халанскій даетъ особое значеніе этому варьянту, какъ древнему: появленіе Вольги, названнаго въ иныхъ варьянтахъ былины племянникомъ Владимира, въ роли пахаря — и до идеализаціи новгородскаго князя Олега. Для этой цѣли пѣвцы «воспользовались традиціоннымъ образомъ героя-пахаря, который былъ данъ въ традиціяхъ устнаго и книжнаго творчества болѣе ранней поры». При имѣющихся на лицо пѣсенныхъ данныхъ, проще объяснить отличія этой версіи смѣшеніемъ ролей, происшедшимъ отъ забвенія пѣвца, въ чемъ онъ самъ сознался Рыбникову, когда спѣлъ ему о рожденіи Микулы и его охотѣ на рыбъ и звѣрей то же, что обыкновенно поется про Вольгу²⁾.

«Традиціонный» образъ Микулы—не разъ обращалъ на себя вниманіе изслѣдователей: онъ напоминаетъ не только царственнаго пахаря Гугона въ *Voyage de Charlemagne*³⁾, но и могучаго крестьянина Добришана румынской баллады, передъ которымъ

1) I. с. Ноябрь, стр. 31 слѣд.

2) I. с. стр. 17—20.

3) Сл. мои Южнорусск. былины вып. II, 251.